

ренности, подобно воздуху, очищенному и озаренному полуденными лучами.

Третью строфу можно понять при помощи буквального толкования, начиная с того места, где говорится: «Душа рыдает...» Здесь следует обратить внимание на назидательность, заключенную в этих словах: ради большего друга человек не должен забывать услуги, полученные им от меньшего; если же ему все-таки приходится следовать за одним и покинуть другого, лучше при разлуке прибегнуть к какой-либо благопристойной жалобе, которая объяснила бы тому, за кем он следует, причину большей к нему любви. Затем там, где душа говорит: «...и о моих промолвила глазах», она ничего другого не хочет сказать, кроме того, что страшен был час, когда первое явление этой дамы отразилось в очах моего разума, что и послужило ближайшей причиной новой влюбленности. А когда она говорит: «...подобных мне...» – разумеются души, свободные от жалких и низких наслаждений и от низменных привычек, одаренные гением и памятью. Потом она говорит: «...как перед смертью...» – а потом: «...меня палящий свет», что как будто противоречит тому, что говорилось выше о дарующем спасение взгляде этой дамы. Поэтому надо знать, что здесь говорит одна из сторон, а там говорила другая; они спорят, противореча друг другу, как это было уже показано. Неудивительно, что там говорится «да», а здесь «нет», если только внимательно следить за тем, кто спускается и кто подымается.

Далее, в четвертой строфе, там, где сказано: «...любовный малый дух...» – разумеется мысль, которая рождена моими занятиями наукой. Впрочем, надо знать, что в этой аллегории под любовью всегда разумеются научные занятия, которые и есть прилежание души к тому, во что она влюблена. Затем, когда душа говорит:

«Пусть над тобою властвует она
И будет в чудесах многообразна»,

она возвещает, что благодаря этой даме станет зримой краса чудес; и она говорит правду, ибо видеть красу чудес – значит видеть причину этих чудес; эту причину и открывает дама; так, видимо, думает и философ, который в начале «Метафизики» говорит, что люди, чтобы узреть эту красоту, начали влюбляться в упомянутую даму. О значении слова «чудеса» будет сказано более подробно в следующем трактате. Все остальное в этой канцоне будет достаточно разъяснено в дальнейшем ее толковании. Итак, я в конце второго трактата говорю и утверждаю, что дама, в которую я влюбился после первой моей любви, была прекраснейшая и достойнейшая дочь Повелителя Вселенной, которую Пифагор именовал Философией. Здесь кончается второй трактат [который предназначен истолковать канцону], поданную в качестве первого яства.

Трактат третий

Канцона вторая

Амор красноречиво говорит
О даме, пробудив воспоминанье.
Столь сильно слов его очарованье,
Что восхищенный разум мой смущен.
Владыки сладостная речь звучит
В моей душе, где ожило мечтанье.
И молвила душа: «Не в состоянье
Все выразить, что повествует он!»
И то, что разум видит как сквозь сон,
Оставлю, смысл я не воспринимаю.
Лишь главное пока скажу о ней.
Не выразить ясней
Мне также многое, что понимаю.
И если есть порок в моих стихах,